

Дмитрий КОЛИСНИЧЕНКО

ПОВЕСТЬ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»: КАРИКАТУРА НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ

Еще после первого прочтения повести «Собачье сердце» возник диссонанс с одноименным фильмом Владимира Бортко, который я, конечно, посмотрел намного раньше и неоднократно. Слишком разное настроение у литературного произведения Михаила Булгакова и вышедшего в разгар перестройки кино. На днях снова перечитал повесть: действительно, в своей картине режиссер сильно сместил акценты (хотя сам он утверждает, что не делал антисоветский фильм) и изменил характеры героев.

Наверное, краеугольным «новаторством» фильма можно считать сцену публичного выступления Шарикова, показавшее весь ужас «мужичка», который пришел к власти на смену профессору Преображенскому и ему подобным. В самой повести этой сцены нет. Поэтому придуманный идиотский образ — целиком на совести режиссера фильма.

По ходу повести герой меняется. Однако даже в конце истории, когда Шариков, уже получив документы, начинает понемногу хулиганить, он и близко не дотягивает до созданной Владимиром Бортко кинематографической карикатуры и является скорее типичным представителем мужика своего времени, возраста и сферы деятельности.

Я не буду сравнивать повесть и фильм. Перечитать «Собачье сердце» займет часа три, примерно столько же, как и пересмотреть кино. Многие говорят, что картина Владимира Бортко даже лучше самого текста. Не лучше, она просто совершенно другая. И если кому-то больше нравилось смеяться (как в выдуманной сцене с выступлением перед публикой) над Шариковым или нравится до сих пор — это проблемы внутреннего восприятия. В самой повести, в отличие от фильма, смешного очень немного. «Собачье сердце» Михаила Булгакова, вопреки расхожему мнению, сегодня выглядит вовсе не сатирой на революцию и первые годы советской власти. Повесть больше напоминает карикатуру на интеллигенцию, прогнивший класс, который никак не хочет свыкнуться с новой реальностью, но не решается уехать из ненавидимой им страны.

По ходу истории мы видим болезненное развитие Шарикова как гражданина. Именно желание получить документы, работу, жилплощадь, завести семью — все это стоит

Дмитрий Александрович Колисниченко родился в Киеве в 1982 году. В 2007 году издал в «Кислороде» (Москва) роман «На струе»; в 2017 году издал в «Каяле» (Киев) повесть «Последний экспресс» (в соавторстве с Алексом Керви). Публиковал короткую прозу в журналах «Нева», «Урал» и «Homo Legens».

для него на первом месте. Он, как и все, вынужден приспособливаться, хитрить, иногда врать (как невесте про то, что он красный комиссар). Так ли отличается этот герой от среднестатистического человека даже сегодня, почти сотню лет спустя?

Становясь человеком и гражданином, герой превращается из собаки Шарика в нового, лучшего Клим Чугункина.

О нем сообщается: «Клим Григорьевич Чугункин, 25 лет, холост. Беспартийный, сочувствующий. Судился 3 раза и оправдан: в первый раз благодаря недостатку улик, второй раз происхождение спасло, в третий раз — условно каторга на 15 лет. Кражи. Профессия — игра на балалайке по трактирам. Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь). Причина смерти — удар ножом в сердце в пивной („Стоп-сигнал“, у Преображенской заставы)».

Клим Чугункин — классический гулящий человек. На момент прихода большевистской власти он уже был тем «негодяем», которого до сих пор так боится «креативный класс», представителями которого являются профессор Преображенский и доктор Борменталь. То, что Клим Чугункин безграмотен, вороват и разнуздан, это как раз следствие той «социальной политики», которая проводилась во времена Николая II по отношению к таким вот «мужичкам». Это после революции Швондер даст Шарикову книгу, это после революции он пойдет в цирк смотреть на слонов и акробатов, а не будет плясать перед пьяной публикой с балалайкой.

В своем новом облике Шариков развивается. Он уже не просто пьяница и игрок на балалайке. Как было сказано выше, у него вполне четкие, обывательские цели, понятные большинству даже сегодня.

Деградирует по ходу повествования как раз профессор. Из человека «с мировым именем» он превратился в хирурга, который пересаживает престарелой женщине обезьяний яичник и занимается прочей ерундой. Преображенский не хочет уехать в Европу или США, он никак не собирается участвовать в советской науке. Он довольствуется десятью рублями за визит очередного придурковатого клиента и пятьюдесятью червонцами за экзотическую операцию. Даже пес, считавший профессора своим божеством, понимал, что это «похабная квартирка».

Профессор поглощает водку с семгой и угрями (даже Шарик знает, что он не будет есть колбасу «Особенная краковская»), со снобизмом рассуждая о туфлях Шарикова и жалуясь на разруху. Хотя, несмотря на разруху, в доме, например, продолжают исправно топить, сам он регулярно посещает Большой театр, да и держать в доме прислугу еще пока никто не запрещает.

Показательна тут и сцена с затоплением квартиры. В устранении потопа участвуют все, даже доктор Борменталь, но только не Преображенский, который в часы всеобщего хаоса решил прилечь отдохнуть. Дескать, не барское это дело.

Например, возьмем первую встречу Преображенского и домкома. Швондера и его товарищей автор описывает так: «все одеты очень скромно», на хамство профессора, который тут же их перебивает (и делает это постоянно), они смотрят «с изумлением» и «смущенно». Еще показательный момент — сцена, когда профессор отправляет Зину через заснеженный город покупать Шарiku ошейник. На ошейник он дает восемь рублей, а на трамвай своей прислуге — шестнадцать копеек.

Сам профессор признается, что его главная страсть — евгеника, его цель — «улучшение человеческой породы». Пожалуй, это ключевая характеристика, данная Михаилом Булгаковым герою в 1925 году, дающая подсказку на многие вопросы. Лишь бы было желание задаваться ими, читая книгу, а не ухихатываться, пересматривая в очередной раз ее киноверсию.

По большому счету, весь конфликт профессора и его «создания» по книге замешан не на том, что Шариков начинает творить что-то откровенно вызывающее. Он упира-

ется в тот самый квартирный вопрос. И дело тут даже не в том, что советская власть хочет отобрать у Преображенского его частную собственность. Вовсе нет. Профессор въехал в семь комнат в 1903 году, взяв их в аренду, поэтому его нежелание «уплотняться» выглядит по сегодняшним меркам как обыкновенное рейдерство. При этом Шарикову из всей квартиры выделили аж шестнадцать квадратных аршинов (около одиннадцати квадратных метров).

Сам профессор постоянно ведет себя как хам. Опять же, в фильме все выглядит несколько иначе. С ним достаточно почтительно, не реагируя на колкие выпады, держатся и Шариков, и Швондер со товарищи. Но в повести Преображенский — не мудрый интеллигентный профессор, а именно снобливый грубиян. Он постоянно унижает людей, кричит на них, ставит себя выше других.

Конечно, можно предположить, что в реальной жизни такой конфликт не закончился бы повторной операцией Шарикова. Ведь в случае неуспеха (а он, и профессор вместе с доктором это прекрасно знали, был очень вероятен) Преображенского и Борменталья привлекли бы за убийство. Но спишем такой сюжетный поворот на художественный вымысел. Да и «убийство» Шарикова является весьма символичным. Ведь таким образом профессор, не видевший разницы между «белым, красным и коричневым террорами», прислуживающий как раз прежним хозяевам жизни, пристроившимся, как и он сам, в новом социалистическом государстве, лишь подчеркнул свой выбор окончательной социальной и нравственной деградации.

Если брать общую политическую составляющую повести и пытаться понять запрет «Собачьего сердца», то вполне очевидно, что Михаил Булгаков критикует не советскую власть, а троцкизм (образ самого Льва Давидовича можно увидеть даже в Швондере, «у которого на голове возвышалась на четверть аршина копна густейших вьющихся волос»).

Вот, например, характерный монолог профессора: «Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя мировую революцию, Энгельса и Николая Романова, угнетенных малайцев и тому подобные галлюцинации, займется чисткой сараев — прямым своим делом, — разруха исчезнет сама собой. Двум богам нельзя служить! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удастся, доктор, и тем более — людям, которые вообще, отстав от развития европейцев лет на двести, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают собственные штаны!»

Очевидно, что устами своего героя Михаил Булгаков критикует именно троцкизм и поддерживает набирающую обороты сталинскую «партию».

Запрет повести принято связывать с председателем Совета труда и обороны СССР Львом Каменевым: в 1922 году он поддерживает Иосифа Сталина против Льва Троцкого, но уже в 1925 году (как раз когда пишется повесть) неосмотрительно меняет курс и уходит в недолгую оппозицию к будущему вождю.

Уже в начале 1926 года Лев Каменев идет «на понижение», окончательно проигрывая Иосифу Виссарионовичу. Через несколько лет Михаилу Булгакову возвращают рукопись повести. В 1936 году Льва Борисовича расстреливают как участника «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра».

Поэтому говорить о том, что «Собачье сердце» запрещали, вряд ли стоит. Бывает так, что книгу просто не издают. Даже сегодня, когда нет никакой советской цензуры. Наверняка кто-то посчитал повесть слабой, кто-то, наоборот, слишком резкой и правдивой. Наконец, не стоит забывать, что сама сатира о евгенике в 1930-е выглядела бы неуместной не только в СССР. Так что «Собачье сердце» выходило самиздатом. Не слышал, чтобы за него кого-то расстреляли или арестовали.